

ПРЕДИСЛОВИЕ ТАТЬЯНЫ ЧЕРНИГОВСКОЙ

Возделывать свой сад...

Когда читаешь или слушаешь Александра Григорьевича Асмолова, то именно слова Вольтера оживают. Мы учим, врачуем, пишем... Его книги, его мысли в итоге о том, как строить свою жизнь в условиях огромной сложности, противоречий, влияний, необходимостей, неизбежностей... Кто мыслит, а на самом деле — кто живет, а не просто переводит энергию, тот хочет строить будущее, понимать, каким бы он хотел его видеть. И это невероятно трудно. Каков вектор нашей человеческой эволюции? «Умные, сильные и унифицированные» — говорит нам технологический прогресс. Но это уже не мы, а другой биологический (?) вид. «Разные» — говорит Асмолов. Это и из естественной истории видно. А в человеческой было всякое, в том числе и хождение по граблям. Мы помним, что история не учит, но жестко наказывает. И мы не хотим наказания нашим детям, которые, как говорится в этой книге, все равно «не наше будущее»... Но отпустить их неподготовленными в неведомый мир мы не можем: нужно дать им как минимум белые камешки, которые прихватил с собой смекалистый Мальчик-с-пальчик, чтобы было куда оглянуться... Свое прошлое знать надо: «Быть может, прежде губ уже родился шепот, и в бездревесности кружились листья», и не только это смог прошептать Мандельштам: «На стекла вечности уже легло мое дыхание, мое тепло»... Ничто не пропадает, можно забыть или убедить себя, что забыл, но нет... Гибель древней бабочки приводит в итоге к неумению грамотно писать, как мы знаем от Брэдли. «Донкихоты против роботов» — говорит Асмолов... Невредно напомнить, что ветряные мельницы оказались весьма эффективными. «Турбулентность» — говорит Асмолов... Но ведь спокойных времен почти и не было, другое дело, что скорости и градусы растут. Мы выиграли

эволюционную битву потому, что научились преадаптироваться, справляться со средой. Научились и договариваться («Профессия будущего: переговорщики»). Договариваться приходится с очень разными, в том числе в будущем и не только с людьми. Делать вид, что этим можно пренебречь, — значит проиграть. В конце концов, у нас есть зеркальные системы в мозге, которые для того и сформировались, чтобы мы могли посмотреть на мир со ВСЕХ сторон. Нет, статистика нам не поможет, тут другая математика: вспомним безвинно погибшую бабочку... И не будем упрощать реальность, как пишет автор этой книги в других работах.

Одним словом, книга учит нас тому, что понимали М. М. Бахтин («Событие жизни текста, т.е. его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний <...> Диалогические рубежи пересекают все поле живого человеческого мышления»), Л. С. Выготский («Перерастание диалога “между разными людьми” в диалог “внутри одного мозга”»), В. С. Библер («Процесс внутреннего диалогизма — столкновение радикально различных логик мышления»), Вяч. Вс. Иванов («Процессы обмена информацией внутри мозга и внутри общества... — разные стороны единого процесса»). Сам механизм семиозиса, говорил Ю. М. Лотман, работает на затруднение контакта, понимания, и идея диалога является ключевой, и диалог всегда происходит на разных языках, с трудностями и надеждой на понимание. *Работает не только механизм унификации, но и механизм разнообразия.*

Думая о будущем и тем самым создавая будущее каждую минуту, хорошо бы не попасться в ловушку «простого мира». Путеводителем к этому будет лежащая перед вами книга Александра Григорьевича Асмолова.

Санкт-Петербург, Рождество, 2025 г.

ВВЕДЕНИЕ

Исповедь эволюционного оптимиста

*Святая наука — расслышать друг друга
Сквозь ветер, на все времена...*

Булат Окуджава

Быть оптимистом заведомо опасно. Пессимистом — куда выигрышнее. Пессимизм воспринимается ближе к реализму. Пессимисту же позволительно ошибаться хотя бы потому, что от его ошибки все испытывают радость и счастливы забыть и уж во всяком случае простить его неверный прогноз.

Да и в общении люди, как ни парадоксально, лучше воспринимают того, кто выступает в роли ворона из знаменитого стихотворения Эдгара По. «Да, скоро будет плохо. Вам сегодня еще как-то ничего себе? Не волнуйтесь, завтра будет хуже, не сомневайтесь. Завтра станет еще чернее». Такие люди по-своему вызывают уважение, ведь они не плодят иллюзий и приучают к «трезвому взгляду» на вещи.

И вы, конечно, можете выглядеть таким мудрым вороном, но вот только люди благодаря вам еще более привыкают смотреть на жизнь как фаталисты. Окружающие склоняются к тому, чтобы ожидать того или иного финала событий, от них не зависящего.

Оптимисту ошибки не прощают: ведь вы вселяете в людей надежду, которая может не сбыться.

Но только наша надежда — это альфа и омега для конструирования будущего. Лучшего будущего не случится, если никто не будет надеяться на него, а потому и не приложит усилия к его достижению.

Так что люди, способные придавать размышлениям о будущем конструктивность, — оптимисты. Если наш реализм конструктивен, то он оптимистичен.

Уточню еще одну важную для понимания этой книги вещь.

Я не просто оптимист, а (обратите внимание!) *эволюционный оптимист* — и за этим стоит определенная картина мира. Она связана с убеждением, что ничего в нашей действительности нельзя понять вне контекста эволюции. А что такое эволюция? Это движение мира к разнообразию. В этом движении есть падения, регресс, но в целом происходит развитие мира, в котором множится число альтернатив.

Когда я говорю, что я эволюционный оптимист, то тем самым утверждаю, что у нас всегда есть выбор. Ведь отсутствие альтернатив — это и есть абсолютное зло.

В современной эволюционной биологии многие теории поколебали идею приспособления к окружающей среде как единственного направления изменений в живой природе. Мир природы, а тем более человеческий мир через избыточное разнообразие закладывает возможности для самых удивительных проектов развития.

Благодаря избыточности сложных систем мы ухитряемся разглядеть те странные виды активности, которые готовят нас к встрече с неведомым, к искусству справляться с тем, чего никогда не было... и оставаться Человеком.

Именно взгляд эволюционного оптимиста позволяет мне набраться отваги и попытаться ответить на вопросы, которые в рамках рационального разума вызывают недоумение.

Почему *страх потери смысла жизни* оказывается порой сильнее и действеннее *страха смерти*?

Почему мой любимый учитель, психолог Алексей Николаевич Леонтьев называл психологию личности драматической психологией, а символом жизненного пути человека, превыше всего ставящего свободу выбора, считал восхождение на костер?

Почему поступки столь разных и действующих на разных исторических сценах героев — философа Петра Чаадаева, биолога Николая Вавилова, психолога Льва Выготского, физика Андрея Сахарова, поэта Анны Ахматовой — порой воспринимались как донкихотство, безумие или шутовство? И тем не менее для многих из нас их

жизнь является осознаваемым или неосознаваемым мерилom человеческого достоинства.

Поможет ли найти ответы на эти вопросы формула автора: «Преадаптация индивида есть цена за развитие вида»?

И наконец, не является ли ключом к пониманию связи феномена преадаптации с искусством жить достойно проходящая через всю эту книгу мысль Шекспира о том, что человек именно тем и отличается от животного, что ему вечно надобно не только «необходимое», но и «излишнее». Я бы сказал — *избыточное*. А порой — и *несбыточное*.

Веря в несбыточное и будучи эволюционным оптимистом, не могу отказать себе в удовольствии сыграть в угадку «Кто же он — читатель этой книги?».

Он может быть кем угодно, но в его портрете мне угадываются следующие черты.

Это тот из вас, кто в своей жизни хоть раз с разной интонацией слышал от окружающих: «А тебе что, больше всех надо?»

Это тот неизвестный мне читатель, кто хоть иногда совершал неожиданные для самого себя поступки...

И непременно это тот, кто, как бы ему ни было трудно и даже больно, не перестает верить, что в этом безумном мире всегда есть *те, ради кого надо во что бы то ни стало жить и надеяться..*

Уверен, что каждый из нас рождается под тем или иным созвездием людей. Так и автор этой книги родился под созвездием людей, в диалогах с которыми шло и, надеюсь, продолжает идти становление его собственной личности. Один из них — психолог, классик психологии искусства и культурно-деятельностной психологии Лев Выготский.

Он любил повторять, что понимание мысли собеседника без знания его мотивов — это не полное понимание. Следуя его совету и надеясь увеличить шанс быть услышанным читателями, объяснюсь, откуда же взялась дерзость, а может быть и наглость, дать этой книге — циклу историй о делах жизни и поисках автора — имя «Психология достоинства: Искусство быть человеком».

Мотивов, как всегда, несколько. И ведущий из них мог бы без иронии быть назван тем самым путеводным мотивом, ради которого я десятилетиями пытаюсь воплотить свой замысел, наиболее емко

выраженный в названии одной из моих статей «Непройденный путь: от культуры полезности — к культуре достоинства». Мечта о том, чтобы и человечество, и наша страна, и каждый из нас шли по этому пути, сколь бы наивной она ни казалась, и ныне не оставляет меня.

Другой мотив произрастает уже непосредственно из моей профессии, в которой пребываю (самому нелегко осознавать эту цифру) более 50 лет — из психологии личности. И как бы я ни рефлексировал свою жизненную позицию и призвание — психолог или антрополог, — продолжаю придерживаться понимания преобразующей силы искусства как со-творения человеческого в человеке, выстраданного в исследованиях Льва Выготского, Алексея Леонтьева и Александра Лурии.

А они относились к искусству как к совершенно особому потоку человеческих деятельностей, благодаря которым мир усваиваемых нами знаний, норм и значений преобразуется в мир неповторимых личностных смыслов, ради воплощения которых живет и действует человек.

Именно оба вышеупомянутых мотива и привели к тому, что стремление к пониманию психологии достоинства как искусства быть человеком стало стержнем этой книги. Что бы я ни делал, не устаю искать ответы на целую вереницу вопросов о природе человеческого достоинства.

Вопросов больше, чем ответов.

А потому покаюсь. Если читатель этой книги ждет рецептов и дефиниций, а что же такое достоинство, то, скорее всего, его постигнет разочарование.

Ведь суть дела и заключается в том, что по отношению к «достоинству» — поступкам человека, не теряющего своего лица перед самим собой и другими людьми, — вопрос в стилистике «Что» не по адресу. Достоинство — и об этом пойдет речь в книге — это спектр феноменов из совсем иного пространства, резко отличного от известной всем палаты мер и весов.

Оно не из пространства «Что», а из пространства «Кто». И в этом пространстве бессмысленно, как с присущей ему зоркостью ко всем деяниям жизни человеческой замечал Александр Сергеевич Пушкин, пытаться поверять алгеброй гармонию.

Совесь, Честь, Благородство и Достоинство, как и многие другие проявления наших взаимоотношений с другими людьми и с самими

собой, — все они (как, впрочем, и подлость, и хамство) порождаются в особом пространстве личностного выбора дел и поступков человека — в пространстве «Кто», а не в пространстве «Что». И каждый человек принимает решение, избрать ли путь чести и достоинства или же стать (воспользуясь образом Николая Лескова) «добровольцем оподления».

В пространстве «Кто» человека не меряют, а человеку верят. И в этом же пространстве, поверьте, не спутают благородство — с «Вашим благородием», а честь — с «Вашей честью». И особо замечу, в пространстве «Кто» на вас не посмотрят как на странненького или опасного для общества, если на вопрос «Кто ты?» вы ответите лаконично и емко: «Человек». И не надо будет для обоснования этого утверждения, как некогда было молвлено небезызвестным персонажем романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», никаких доказательств.

Путь от культуры полезности к культуре достоинства не пройден. Но в любые времена, сколь бы мутными и мрачными они ни казались, и в эволюции жизни, и в истории человечества, и на жизненном пути каждого из нас были, есть и будут особые пики — пики преадаптации. Они могут по-разному переживаться поэтами и историками, физиками и лириками. Они могут называться эпохами возрождений и ренессансов, обострениями «шестого чувства», периодами бифуркаций или встреч с «черными лебедями».

Но в подобные времена скачков эволюции срабатывает закон, названный Гёте законом востребованного разнообразия. Действие этого закона проявляется и в том, что даже в самые трагичные периоды эволюции жизни, когда звучат голоса о конце истории, именно поступки Человека, отстаивающего свое достоинство, могут изменить траекторию эволюции сложных систем.

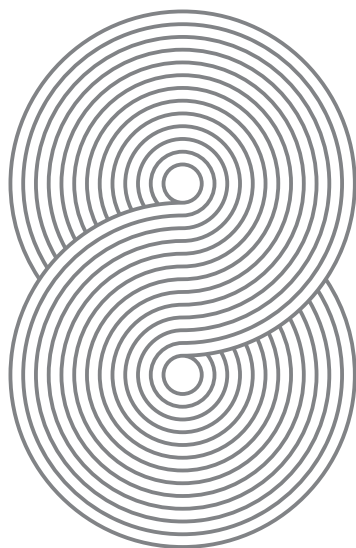
В эпоху Возрождения об образе такого человека писал выдающийся мыслитель, певец чести и достоинства флорентиец Джованни Пико делла Мирандола. Кем бы его ни называли историки: гуманистом, монахом, антропологом или философом — именно ему принадлежат идеи о самостановлении человека, изложенные в трактате «Речь о достоинстве человека». Приведу лишь один фрагмент этого труда.

«Принял Бог человека как творение неопределенного образа и, поставив его в центре мира, сказал: “Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю <...> чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие...”».

Поражаюсь тому, когда, где и как это было сказано. Напомню, что Мирандола прожил долгую жизнь. Он неоднократно саживал в тюрьмах Италии и Франции, обвинялся в несусветных ересях, умер от мышьяка... Но он никогда — услышите: никогда — не отказывался от убеждений, что именно выбор достоинства делает человека — Человеком. На сем я и завершаю свою исповедь эволюционного оптимиста. А читать книгу «Психология достоинства: Искусство быть человеком» или же нет — это уже собственный, не скованный ограничениями выбор читателя.

ЧАСТЬ I

Дети — не наше будущее

заметки к антропологии детства

ГЛАВА 1

Развитие личности — это развитие образов мира

Есть ли среди читателей те (поднимите мысленно руки), кто в жизни хоть раз слышал вопрос (который я считаю важным тестом): «А тебе что, больше всех надо?»

Как я рад таким читателям, здравствуйте, непредсказуемые вы мои!

Ведь вам каждому больше всех надо. И каждому нужно избыточное, лишнее, а не только необходимое. Ведь еще великий Шекспир писал: «Сведи к necessities всю жизнь, / И человек сравняется с животным». Станиславский спрашивал у своих актеров, начиная репетицию: «Чем вы меня удивите?» Пока вы способны удивлять, пока вы способны бросать в мир горсти неожиданностей, мир не перестанет поражать вас своей непостижимостью.

*Да,
Я чудак и фантазер.
И говорю,
Что мир прекрасен.
Прекрасен тем,
Что он не ясен!
Что небо формулой не выразишь,
Что звезды в небе не сочтешь.
И хоть законы соблюдаются,
Ты
Неожиданного ждешь.*

И мы умеем в ответ на любую неопределенность ответить потрясающей непредсказуемостью.

Меня поразило когда-то факт, что в XVIII веке в австрийской армии был учрежден особый военный орден: орден Марии Терезии вручали за победу в бою благодаря личной инициативе даже вопреки приказу.

Мне вспоминаются разные определения человека. В десятом классе я написал, что не согласен с определением Энгельса, согласно которому жизнь — это способ существования белковых тел. Мне сказали: «Какое ты имеешь право критиковать Энгельса?» И тогда я в ответ написал иронические строки:

*Человек — это звучит гордо.
Вариации аминокислот,
позвоночник — наследство хордовых
и генетический код.*

Вот прошел когда-то юрский период, но из этого не следует, что сейчас, в период антропоцена, юрский период перестал в нас существовать. Во время лекций на факультете психологии я говорю своим студентам, что в каждом моем движении воет столько динозавров, что мало не покажется.

Но мы с вами не являемся заложниками ни динозавров, ни нейронов, ни генов, ни прошлого опыта. Мы многократно в самых различных ситуациях переделываем даже саму свою память. Психолог Алексей Николаевич Леонтьев говорил: «Человек — единственное существо на лестнице эволюции, которое может избавиться от груза собственной биографии». (Вспомните, например, как в произведениях Антона Макаренко его воспитанники сжигали одежду, чтобы, образно говоря, преобразовывать собственную личность.)

Мы переделываем свои картины мира, свою память и, занимаясь творчеством, удивляемся сами себе: «Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!»

...История жизни каждого из нас — это история отклоненных альтернатив. Это история того, кем мы хотели стать и не стали.

Скажем, в детстве я неистово любил стихи, доставал всех своими стихами, не мог молчать, все время говорил. Когда мне стукнуло аж 11 лет, человек, которого я очень любил и который дал мне очень

много в жизни, писатель Владимир Тендряков, муж моей сестры, сказал мне: «У меня не получается написать сказку, а ты мне мешаешь. У меня к тебе просьба: ты можешь хоть час помолчать? Каждый час я буду давать тебе рубль».

Я не заработал ни рубля. И эта картина мира тоже со мной до сих пор.

Часто используемые схемы для понимания человека: стимул/реакция, нейрон/сознание, ген/поведение — резко упрощают человеческую природу. Эти схемы разбиваются о многочисленные факты, доказывающие, что человек по большому счету — незапрограммированное существо.

Код непредсказуемости — наш ключевой код.

И этот код — это дар родом из детства. Мы знаем, что его можно заглушить, а можно привыкнуть рассчитывать на него.

Чем прекрасны те «литературные безумцы», которым выносят жесткий диагноз «горе от ума»? Чем прекрасен Дон Кихот? Чем прекрасен Чаадаев? А герои Жюль Верна? Человечностью! Тем, что они *обладают самостоянием*, что они творят самих себя. Тем, что готовы искать решения в самых трудных и непредсказуемых ситуациях.

Где мы учимся такому поведению? В сказках, где герои без устали сражаются с ветряными мельницами. Где перед героями ставят задачу: «Пойди туда, не знаю куда». А герой идет и справляется. В сказках дается идея саморазвития, самодвижения, даже похвала хаосу, где ступа с Бабою Ягой идет (в мире порядка), бредет (в мире хаоса) *сама собой*.

Когда мы обращаемся к своему первому представлению о мире, то картина неизбежно оказывается не реальностью, а своего рода реконструкцией реальности. К нашей памяти о двух-, трех-, пяти-летнем возрасте всегда относится замечательная формула «врет как очевидец».

Мы с вами вообще выступаем как «непрерывные» очевидцы движения собственного разума и, отдавшись этому потоку, получаем то, что психологи называют «развивающийся гештальт».

Гештальт (как определяют его во многих психологических словарях) — это целостность, не сводимая к сумме ее частей. Другое, более близкое мне определение гештальта: *это целое, в котором отдельные его элементы приобретают ранее неизведанные свойства*. Так точнее.

●

Человек приходит в настоящее не просто из прошлого, а каждый день *строит свое настоящее как реализацию образа будущего*. Сотворение мира — это непрерывный процесс. И процесс непрерывных решений.

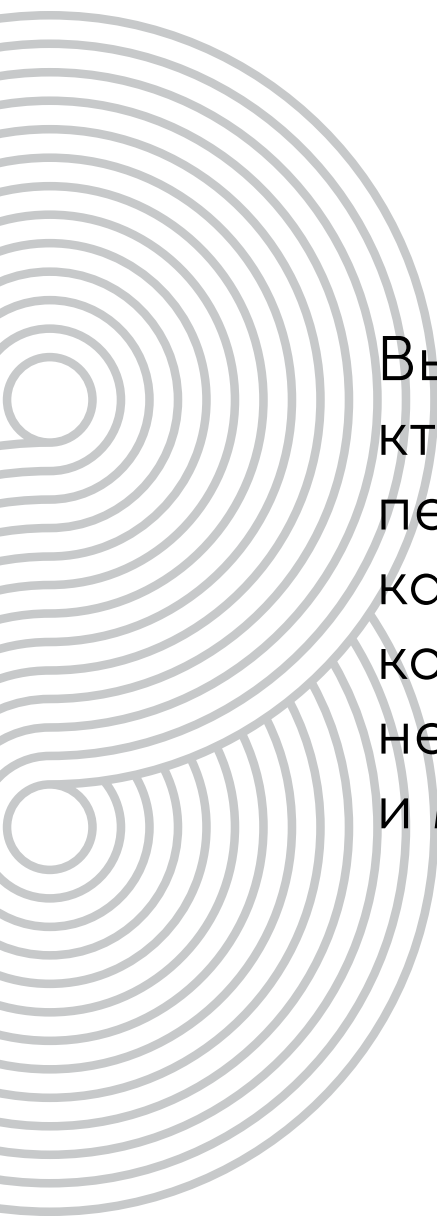
Когда я просматриваю, как идет движение образов моей жизни (а я это делаю в самые разные мгновения, поскольку все мы родом из детства, и детство относится к каждому из нас), — я испытываю прежде всего ощущение доверия к тому миру, в котором я жил, когда мне было три, четыре, пять лет.

Вокруг меня были люди, с которыми я находился в состоянии психологического симбиоза. И в этом симбиозе главным было постоянное рассказывание сказок. Я не мог жить без сказок (и продолжаю жить в сказках теперь). Эти сказки — всякие небылицы, небывальщины и так далее, которые для меня то и дело откликаются в том, что сегодня происходит в мире.

Главное ощущение мира моего детства — это то, что этот мир полностью создан для меня. Я родился для того, чтобы этот мир меня встретил, а я должен его в себя втянуть, а потом сделать так, чтобы собой размножиться всюду и везде. Я выступал как своего рода «мироуловитель» для того, чтобы потом прийти в этот мир и его удивить. И это ощущение остается со мной до сих пор.

С тех пор я верю, что от моих действий может меняться реальность. Даже если это неправда (а вера отличается от знания тем, что она несет в себе элемент магии), я все равно продолжу в это верить.

Детское магическое мышление отличается от всех наших концепций и теорий тем, что его обладатель воспринимает мир лично, как нечто одушевленное, как и он сам. Развитие детской личности — это постоянная игра между идентификацией и отчуждением, между центрацией и децентрацией, между конструкцией и деконструкцией смыслов. В детстве мы выступаем *смыслоуловителями*. Мы можем не знать слов и их значений, но мы всегда знаем их смысл.

Выигрывают те,
кто готов видеть
перед собой такие
картины мира,
которые дышат
неопределенностью
и многомерностью.

Все начинается со смысловых образов мира, которые не кончаются никогда. А потом мы вырастаем и рационализируем смыслы, обобщаем их, шинкуем и пытаемся заново сложить.

Когда мы развиваемся, то в большей или меньшей мере утрачиваем детскую мифологичность и тем самым — ощущение того, что реальность многовариантна.

А реальностей в нашей современной жизни так много, что я не знаю, кто мог бы их в принципе посчитать. Когда этот каскад неопределенностей растет, нужно понимать: мы выигрываем, когда готовы действовать так, как в замечательных сказках и небывальщинах, — идем туда, не знаю куда, и ищем то, не знаю что.

Выигрывают те, кто готов видеть перед собой такие картины мира, которые дышат неопределенностью и многомерностью.

Признать разнообразие мира нам мешают многие установки нашего мышления, одну из них можно назвать «эволюционным снобизмом». Современным людям подсознательно кажется, что Петя Иванов, который учится в 5-м «А» классе, знает мир лучше, чем Платон или Аристотель. (Он ведь уже наследник стольких революций — от научно-технической до цифровой...)

Но это не так.

Я говорю: «Друзья, представьте, что к вам подойдет Пифагор. Так ли мудрее его вы окажетесь, если возьметесь обсуждать с ним тезис о том, что в основе всего устройства мира лежат числа и только через числа можно понять Вселенную?»

Один из моих учителей, философ Мераб Константинович Мамардашвили, четко показывал, что когда вы отбрасываете картину мира Птолемея и переходите к другой, то это вовсе не означает, что картина Птолемея была неверна. Просто надо увидеть, в каких системах отсчета она была действенной.

Ведь через пару столетий вслед за картинами ньютоновского мира, где все стремится к равновесию и адаптации, в истории науки вдруг появляются концепции неравновесности, нелинейности и неадаптивного, парадоксального развития. И все-таки Эйнштейн не отменил Ньютона. И Ньютон не отменил Птолемея.

Или же замечательные генетики Александр Любищев, Сергей Четвериков, сегодняшние гениальные эволюционисты. Отрицают ли они Дарвина? (Того Дарвина, о чьей теории Карл Поппер со злой иронией говорил, что она сводится к формуле «выживают выжившие».) Нет, не отрицают, не отвергают. Но наряду с дарвиновской картиной эволюции разворачивают концепцию «преадаптации», которая изумила бы Дарвина, но объясняет парадокс образования сложных органов, чья конечная функция не могла иметь изначальной приспособительной ценности. (То есть концепцию, говорящую буквально о сказочном ходе вещей, о том самом «пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что».)

Код непредсказуемости помогает человеку отвечать на три вызова современного мира: сложности, неопределенности и разнообразия.

Он позволяет нам не ломаться, а становиться гибкими; не покидая мира твердой Земли Птолемея, размышлять и действовать в мирах Коперника и Эйнштейна.

Картины мира — это пласты (хотя и не геологические). Поэтому любое «уплощение» реальности мешает в этой реальности жить. Так, архаика губит мир, путая две вещи — фундаментальность и фундаментализм.

Фундаментальность — это большие идеи, охватывающие смысловые картины разных эпох; фундаментализм же — инстинктивное неприятие больших идей, превращающее любую «древнюю правду» в жалкий (хотя и агрессивный) предрассудок.

Но как жить в меняющемся мире, не меняя себя?

Вспомните слова из «Алисы в Стране чудес»: «Нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать как минимум вдвое быстрее!»

Здесь похожая формула:

*чтобы знать картину мира,
нужно постоянно строить картину мира.*

Нам всем необходима рациональность. Но не менее важна способность выходить за рамки рациональности, за рамки ограничений только рациональных схем объяснения реальности.

Потому что только в этом случае удастся показать людям, что у них есть перспективы.

Я желаю того, мечтаю о том, всю жизнь прилагаю усилия к тому, чтобы у людей были культурные инструменты овладения своим собственным поведением в меняющемся мире. Ведь в многомерном мире решения все равно придется принимать самому и самому за них отвечать.

А тех, кто позволяет понимать движущиеся картины мира, я называю атлантами. Для меня такие атланты — это мои точки опоры. Вот гениальный биомеханик Николай Бернштейн. Он создал теорию физиологии активности, целый мир понимания природы движения (который сильно отличается от павловской рефлекторной модели).

Бернштейн говорил: «Жизнь — это постоянное преодоление равновесия». Он прекрасно описывал отличие живого от неживого. Он говорил: «Живое отличается от неживого тем, что только живое способно плыть против течения».

Вот это атлант!

Не считите меня жюль-верновским мечтателем, но вот мое дополнение к его формуле (которое я украл у Эрвина Шрёдингера): я иду против потока, но я уверен, что направление потока изменится.

Мне часто случается повторять известную формулу: «Индивидом рождаются. Личностью становятся. Индивидуальность отстаивают!»

И *отстаивание индивидуальности* есть великая вещь.

Наша непрогнозируемость, неадаптивность, непредсказуемость — это то, что надо передавать друг другу, чем мы можем друг друга усиливать.

Но как только мы обращаемся к истокам, к тому, откуда возникает сама возможность индивидуальности, — так темы антропологические, этические, психологические оборачиваются вопросами образования.

Такими будут два плана разговора в этой книге: разговор об истоках личности, ее сохранении и самосознании в травмирующем и непредсказуемом мире, о личностном выборе — и обсуждение

Я иду против потока,
но я уверен, что
направление потока
изменится.

того, что может происходить в мире образования, поддерживающее становление личности и культуру отстаивания индивидуальности.

Начиная же этот разговор, я подчеркну (не будучи особо оригинальным), что философия современного образования, как и Земля в древних сказаниях, стоит на трех китах: педагогике достоинства, педагогике сотрудничества и культурно-исторической психологии личности. Несколько уточняющих тезисов об этом триединстве — в следующей главе.

ГЛАВА 2

Три оси координат:
педагогика достоинства,
педагогика сотрудничества,
культурно-историческая психология

Тезисы педагогики достоинства в моей картине мира возникли в тот день, когда в 1965 году на подмосковной даче собрались несколько человек. Я хорошо их помню. Это были Александр Трифонович Твардовский, Александр Исаевич Солженицын и муж моей сестры, писатель Владимир Тендряков.

И вот трое таких писателей обсуждали вопрос реформирования советского образования.

Я был тогда в десятом классе. Слушал, вдумывался. И вдруг Тендряков достал книгу. Для меня с тех пор она остается библией педагогики достоинства — это книга Януша Корчака «Как любить ребенка», где о детях рассказываются поразительные вещи.

Тогда эта книга вдохновила писателя Владимира Тендрякова выступить с полемической статьей «Ваш сын и наследство Коменского», ставшей для меня прообразом манифеста о педагогике достоинства.

Владимир Тендряков, который называл меня своим младшим братом, настойчиво повторял, что личность теряет свое достоинство, когда начинает жить по формуле конформизма «чего изволите». Многие его книги были посвящены школе и учителям: «За бегущим днем», «Весенние перевертыши», «Шестьдесят свечей», «Ночь после выпуска». Но с особой остротой Владимир Тендряков ставил вопросы аксиоматики нравственности и достоинства

в цикле произведений, которые мы в семье называли «История государства Советского»: «Охота», «Хлеб для собаки», «Параня», «Покушение на миражи» и — трагичная история расчеловечивания — «Люди или нелюди».

Он учил меня педагогике достоинства своими произведениями и поступками. И если братья Стругацкие задавали свою аксиоматику нравственности символом «Трудно быть богом», то квинтэссенцию школы достоинства Владимир Тендряков емко выразил метафорой: «Трудно быть человеком».

Позже я не раз находил для себя разные проекции этой метафоры в произведениях близких мне по духу мыслителей: Эриха Фромма («Бегство от свободы» и «Иметь или быть?»), Виктора Франкла («Человек в поисках смысла»), Альбера Камю («Бунтующий человек») и, конечно, в поразительных гимнах человеческому достоинству Антуана де Сент-Экзюпери, Альберта Швейцера, Дмитрия Лихачёва, Андрея Сахарова, Булата Окуджавы, Александра Галича и Владимира Высоцкого. Возможно, для кого-то этот ряд имен апостолов педагогики достоинства покажется странным, но он отражает мое представление о тех, кто всей своей жизнью утверждал ценность каждого человека как неповторимой личности. Значительно позже горизонты, приоткрытые Владимиром Тендряковым, помогли мне постичь масштаб таких мастеров педагогики достоинства, как историк Михаил Гелфтер, композитор Григорий Фрид (автор монооперы «Дневник Анны Франк») и Ролан Быков с его фильмами «Чучело» и «Айболит-66». Повторюсь, метафора *«трудно быть человеком»* как смысловой и ценностный стержень педагогики достоинства зародилась в моем сознании благодаря тесному общению с Владимиром Тендряковым.

Второй кит мировоззренческой философии современного образования — это педагогика сотрудничества, рождение которой состоялось в первую очередь благодаря гражданскому героизму Симона Соловейчика, Владимира Матвеева и Шалвы Амонашвили. Совместно с замечательной плеядой педагогов-новаторов в 1986 году они создали манифест «Педагогика сотрудничества»,

Жизненный
путь личности —
это история
отклоненных
и сотканных
альтернатив.

определивший ценностный поворот от обезличенной педагогики серийного производства «среднего ученика» к педагогике свободной личности.

Иногда этот манифест называют по месту его появления на свет Переделкинским манифестом, акцентируя внимание на том, что он был создан в поселке писателей под Москвой на даче Анатолия Рыбакова. (Не удержусь от ассоциации и замечу, что диалоги с Владимиром Тендряковым, в которых оттачивался замысел педагогики достоинства, велись в поселке Советский Писатель — его часто называют Пахра.)

Там же, в поселке Пахра, произошла и моя встреча с будущим учителем, классиком культурно-деятельностной психологии Алексеем Николаевичем Леонтьевым, изменившая мою судьбу.

Случайно ли то, что культурная атмосфера писательских поселков привела к кристаллизации идей педагогики достоинства, педагогики сотрудничества и культурно-исторической психологии свободного человека?

Не впадая в мистику, напомним лишь мудрые слова священника и философа Павла Флоренского: *«Культура есть среда, растящая и питающая личность»*. В Пахре в беседах с Владимиром Тендряковым Алексей Леонтьев страстно говорил о том, что в основе кризиса образования лежит разрушающая человека опасность — опасность обнищания души при обогащении информацией.

Эти слова А. Н. Леонтьева — убийственная этическая диагностика тоталитарной педагогики, формовки и штамповки «сделанных голов». Он писал в своих заметках: *«Игровое освоение мира (!). Не убивать детское. Сделанная голова — голова потерянная!»*

Мысли А. Н. Леонтьева о рождении личности в потоке деятельности, идеи Л. С. Выготского о социальной ситуации развития как источнике развития личности, положение А. В. Запорожца о содействии как исходной единице становления личности ребенка в процессе общения со значимыми взрослыми и сверстниками, представления Д. Б. Эльконина и В. В. Давыдова